

Диктор: Модератор – Нигматулин Роберт Искандерович, академик РАН, директор института океанологии имени Ширшова. Дайсуке Котегава – бывший исполнительный директор Международного валютного фонда от Японии.

[00:15:00]

Некипелов Александр Дмитриевич – академик РАН, директор Московской школы экономики МГУ. Морозов Олег Викторович – член комитета Совета федерации по международным делам. Стрежнев Дмитрий Степанович – председатель совета директоров АО «Минеральная химическая компания «Еврохим». Хорст Тельчик – бывший советник по вопросам внешней политики и безопасности экс-канцлера ФРГ Гельмута Коля, бывший председатель Мюнхенской конференции по безопасности. Бакыт Торобаев – депутат парламента шестого созыва Киргизской республики, лидер парламентской фракции «Онугуу-Прогресс». Гельмут Шольц – депутат Европарламента от Левой партии Германии, член комитета Европарламента по международной торговле. Якунин Владимир Иванович – председатель попечительского совета исследовательского института «Диалог цивилизаций».

Роберт Нигматулин: Дамы и господа, для меня большая честь вести третью пленарную сессию нашей конференции, которая обозначена таким названием – «На пути к новому мировому экономическому порядку». У нас в стране 145 миллионов человек и сейчас обсуждается проблема 1%, который является самым богатым, Это 1,4 миллиона человек. И даже вы 1,4 миллиона человек не найдете у нас в стране, которые довольны экономическим порядком. Кто-то сказал, что довольных примерно десятков тысяч, то есть это измеряется десятками долями процента.

Между прочим, в мировой литературе сейчас особенно обострился этот вопрос – новый экономический порядок. Даже в технократическом лидере, в Соединенных Штатах Америки, все недовольны. Все не все, но более 99% недовольных. В чем же дело? И я действительно должен сказать, что я когда ездил в Соединенные Штаты Америки в 80-е годы, в начале 90-х годов – меня это поражало. Один просто факт: в аэропортах, в транспорте много детей, дети не плакали. Сейчас я приезжаю в Америку – огромная толпа проходит паспортный контроль, много детей не американского что ли происхождения и американского, и все дети плачут и кричат. Тоже недовольны, хотя страна самая-самая мощная.

И я понимаю, что каждый из здесь присутствующих уже наметил план речи, что он хочет сказать, но я хочу предложить несколько слайдов. Вот Джозеф Стиглиц говорит об 1% самых богатых, самых успешных людей, и говорит, что это великое разделение. Что делать оставшимся 99% здесь сидящим, что нам делать? И вот это – 1%, из-за 1%, для 1% – и рост экономический замедлился. И смотрите, что он говорит: что нельзя ожидать роста экономики за счет экономии, связанной с государственным бюджетом, со снижением спроса, что приводит к еще большему снижению.

Другой нобелевский лауреат – Эрик Маскин. Я подчеркиваю – нобелевский лауреат, который говорит, что стратегия правительства Европы сократить госрасходы для сокращения долга – помните, Грецию ставили на колени: сокращайте свои госрасходы. А он говорит, что это ошибка, потому что это уменьшает спрос. В кризис госрасходы следует сохранить или даже увеличить, чтобы создать рабочие места, подняв налоги на состоятельных людей. А что говорил Людвиг Эрхард, разработчик экономического послевоенного чуда в Германии?

[00:20:05]

Покупательский спрос должен умеренно опережать производственные возможности. И наконец в серьезные исследования проводил Алексей Юрьевич Шеляков, ушедший от нас безвременно: аномальное неравенство тормозит рост экономики. То есть дело не только в справедливости, а в том, что если основная масса населения не будет получать достаточно денег, то она не сможет покупать. В нашей стране более 50% трудящихся получают зарплату менее 20 тысяч рублей. Им не нужен экономический рост, они все равно его не выкупят: они не купят квартиру, автомобили, они живут в совершенно в другой ситуации.

Поэтому я хочу для обсуждения, может быть, хотел предложить параметры нового экономического порядка. Параметры приблизительные, конечно. Да, Томас Пикетти написал труд, в котором в значительной части обсуждается неравенство 1% по отношению к 99%. Так вот, я хочу предложить для обсуждения параметры экономического порядка сбалансированного. Конечно, наши существенно отличаются от западных, но, тем не менее, может быть, я в чем-то неправ.

Госбюджет – 50% ВВП, а не 30%, как у нас сейчас. Причем, социальные расходы на развитие человека, это образование, здравоохранение, наука и культура – 20%, а не 10%, как сейчас. Оплата труда 95%, основной массы населения – 60% ВВП, а не 35%, как у нас сейчас. И далее зарплаты. Какие должны быть зарплаты? Минимальная зарплата, это статистика, где бы я ни бывал в западных странах, я езжу только по европейским и американским странам, я везде спрашиваю: сколько стоит литр бензина и какая примерно минимальная зарплата. Так вот, она примерно 1000 литров бензина, а не 200, как у нас.

Средняя зарплата 2000, в 2 раза больше, чем минимальная, это все примерно, а не 700 литров, как у нас. И наконец зарплата профессора, как зарплата самого будем говорить квалифицированного труда: 5000 литров бензина, а не 1000 литров, как у нас сейчас. И примерный баланс цен, простые продукты: килограмм хлеба должен стоить 3-5 литров бензина, а не один литр, как у нас. Если тут выступающие по критикуют или согласятся, А так, конечно, каждый будет говорить то, к чему он привык.

И последнее, что я хотел сказать, что для экономического роста, особенно в нашей стране, конечно, должен быть в налог на сверхбольшие доходы. Я сейчас даже не говорю, пусть шкала плоская, наверное, это и лучше – плоская шкала налога для 99% населения. А вот для 1% нужен налог на сверхбогатство. Он тоже не должен быть разделительным, он не должен разорять сверх богатых людей, они тоже нужны. На баланс. А для 99% плоская шкала налогов.

Конечно, нужно снижать внутренние цены на сырье, топливо, электроэнергию. И снижение налогов на бизнес. То есть не надо госбюджет формировать только за счет налогов с сырья, нефти и газа, и это нужно step by step, постепенно уменьшая налоги на топливо и сырье, а тем самым снижая цену на топливо и компенсируя чем-то другим.

Вот примерные мои соображения, А теперь мы приступаем к дискуссии. Давайте будем придерживаться того порядка, который у нас здесь написан.

Дайсукэ Котегава – исполнительный директор Международного валютного фонда от Японии. Пожалуйста.

Дайсукэ Котегава: Когда Дональд Трамп стал президентом США, и теперь он ведет на то, чтобы был переход к производству. Сейчас идет разделение инвестиционных банков от коммерческих банков, и мы видим, что политическая платформа, которая была недавно подтверждена президентом Трампом, и сейчас этот подход начинает реализовываться.

[00:25:20]

Какая разница между финансовым капитализмом и производящим капитализмом? Потому что финансовый капитализм как раз расширяет ту пропасть, которая существует между богатыми и бедными. Сейчас это не поможет бедным улучшить их качество жизни и не поможет финансовому сектору создать дополнительные рабочие места, это создает большее количество руководителей, но не исполнителей, которым платится большое количество бонусов. С другой стороны производственный сектор так же страдает от сохранения рабочих мест. И финансовый сектор не создает никаких реальных продуктов для потребителей, и таким образом потребители, не могут использовать этот продукт, не могут оценить пользу. Потому что эти финансовые продукты: депозиты вклады, достаточно простые для населения, которое его получают, но они не занимаются инвестициями.

Могу сказать, что многие финансовые продукты существует в виде деривативов, которые еще более непонятны, и часто сложно оценить их реальную ценность. При этом надо посмотреть на тех, кто создает эти деривативы финансовых продуктов, которые еще больше усложняет ситуацию. Ведь деривативы создаются для того, чтобы создать еще более сложную ситуацию для производящего сектора экономики. Например, в Японии в конце 90-х годов, когда многие компании в Японии, включая государственные страховые

компании, стали продавать деривативы своих финансовых продуктов без понимания тех последствий, к чему это может привести.

Что же в итоге получилось? Эти как раз страховые компании проиграли эту азартную игру и их приобрели другие банки. И в итоге я считаю в неких случаях... Credit Suisse лишен в Японии банковской лицензии за такого рода поведение и стимулирование страховых компаний для того, чтобы продавать свои деривативные продукты. В Японии есть компании – AIG и Financial Product, уехали из Японии, переехали в Лондон и своими действиями тоже вызывали шок на рынке. К сожалению, спекулянты никогда не признают свое негативное влияние на рынок, и они повторяют те же самые ошибки, которые допускали и раньше. Фактически они думают только о прибылях с тем, чтобы их убытки были покрыты государством. И при этом, когда мы говорим о помощи производственному сектору, то, к сожалению, не хватает финансовых ресурсов для поддержки.

К сожалению, в России мы видим сейчас недостаток вкладов и средств у банков для финансирования реального сектора экономики. В 1998 году произошел финансовый кризис и Goldman Sachs по большому счету несет ответственность за то, что дал россиянам возможность поверить в эти опасные финансовые инструменты.

На сегодняшний момент в Японии банки содержат самое большое количество депозитов в мире. И это можно сравнить со «Сбербанком», хотя у «Сбербанка» значительно меньшее количество депозитов. Только японский «Почтовый банк» – у него более триллиона доллара в качестве депозитов. Таким образом, японские вкладчики доверяют банкам и наша банковская система так же защищена системой страхования вкладов. И люди считают, что наше правительство никогда не отберет вклады, которые у них есть, как это произошло в 90-е годы в России.

Более того, наше правительство сделало для себя многие выводы положительные после Второй мировой войны, и таким образом создает серьезные перспективы и условия для развития реального сектора экономики и связи финансового сектора с реальным сектором. Мы видим, что, конечно, количество депозитов в банках снижается во время кризисов, это понятно.

[00:30:02]

И таким образом получается – закрывается окошко для финансирования инвестиционных банков. Потому что часто инвестиционные банки заинтересованы именно в высоких прибылях. Соответственно они иногда создают какие-то схемы, какими занимался Deutsche Bank. При этом правительство нужно обращать внимание на уровень инфляции, особенно в период кризиса, потому что он так же связан с привлекательностью реального сектора, Россия здесь не исключение.

Я так же считаю, что нужно обращать больше внимания на поддержку реального сектора экономики производства, на поддержку транспортного сектора, и создавать соответствующую правовую и бухгалтерскую систему, которая бы обеспечила необходимую конкуренцию в обществе; справедливую налоговую систему и так же систему для защиты патентов.

Вы можете наблюдать размывание этих инфраструктур, в том числе энергосистем. Аварии в энергосистемах в начале 2000-х годов, приватизация энергетического сектора в США привела к таким авариям. Естественно, что президент Трамп предложил большое количество объемов инвестиций в инфраструктуру для восстановления дорог, мостов, аэропортов, план реконструкции этих секторов. Правительство так же должно занимать и поддерживать позицию в средних и мелких предприятий, защищать от нападков крупного бизнеса.

Тот факт, что такие консервативные отношения крупного бизнеса ограничивают потенциал сотрудников. Позиция, которую преследует президент Трамп, это использование общественных средств в интересах частного бизнеса, огромная потребность в реконструкции в России, снятие экономических санкций с России так же способствовало бы продвижению вперед мировой экономики.

Для российской экономики очень важно дождаться отмены санкций. Это было бы оправданно в ряде обстоятельств, сохранение их имело бы смысл, но в нормальных условиях это недопустимо. Неопределенность в политической и экономической ситуации в Европе, экономическая полиция, возврат экономической ситуации в России к нормальному состоянию, слабый рубль создал бы выгодные условия для азиатских производителей. Россия должна воспользоваться этой ситуацией, когда отрасли могли бы получать поддержку государства и господдержка могла бы восстановить статус-кво, и эффективная поддержка в этом плане очень эффективно складывается.

Неконкурентоспособные компании не выживут. Проблемы в прежних коммунистических странах, в Китае и Вьетнаме существуют в этом аспекте, что взаимоотношения между государственно поддерживаемыми компаниями и частными компаниями обостряются.

Роберт Нигматулин: Коллеги, мне, конечно, неловко напоминать о времени, но я это делать вынужден. Сейчас, так как гость далекий, я не стал останавливать, поэтому просьба – придерживаться регламента. Следующим я хотел бы предоставить слово Хорсту Тельчику – бывшему советнику по вопросам внешней политики и безопасности экс-канцлера ФРГ Гельмута Коля. Пожалуйста.

Хорст Тельчик: Уважаемые дамы и господа, мы начали сегодняшнее утро с обсуждения развития политических отношений, сейчас мы продолжаем о новом экономическом порядке.

[00:35:14]

Я хотел бы напомнить собравшимся, что 27 лет назад мы были свидетелями окончания холодной войны. Это означало, что порядок двухполярного мира завершен. Две мировые державы, Советский Союз в то время, и Соединенные Штаты со своими союзниками, Варшавский пакт с одной стороны, и Атлантический Союз с другой стороны. Это было причиной, что президент Джордж Буш-старший в 1991 году обратился с призывом создать новый мировой порядок. Я говорил об этом, поскольку политический мировой порядок, экономический мировой порядок взаимосвязаны, с моей точки зрения. Нам потребовалось более 10 лет, теперь однополярный мир и только одна сторона, только Соединенные Штаты Америки.

Когда к власти пришел президент Путин, он сделал два визита: первый визит был в Индию в деле, и второй визит был в Китай. Оба его собеседника в этих странах подписали совместное коммюнике. Если вы прочитаете текст этого коммюнике, впервые там упоминается, что мы заинтересованы в формировании мультиполярного мира. Но теперь вам нужно подумать – сколько полюсов может быть в многополярном мире. Конечно, Соединенные Штаты, Россия, Китай, Индия, может быть Япония, Бразилия.

Имея сейчас различные полюса в мире на глобальном уровне, вопрос будет состоять в следующем: способны ли они друг с другом сотрудничать? Может быть мы столкнемся с теми проблемами, с которыми имела дело Европа в XIX веке, когда сильные страны стали создавать союзы против других стран. Вопрос в чем: мы получим глобальный мир, когда одни полюса будут создавать союзы для противостояния другим полюсам. Я думаю, что это будет не очень миролюбивый мир, и даже более опасный, чем в период холодной войны.

Как вы знаете, такое развитие событий, именно создание мультиполярного мира, приводит к созданию новых собственных учреждений. Например, союз стран БРИКС: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка. Они приступили к созданию собственных экономических учреждений, как вы знаете. С другой стороны – Европейский союз продолжает после 90-х годов в свою интеграцию и расширяет количество своих членов. Основные достижения Европейского союза – реализация использования евро.

Со стороны России усилия по созданию Евразийского Союза. Евразийский союз и Европейский союз проводят переговоры между собой, и как мы говорили сегодня с утра - может быть общая европейская зона свободной торговли, и в этом плане Европейский союз готов вести переговоры с Евразийским союзом. В перспективе – создание общеевропейской свободной торговой зоны от Лиссабона до Владивостока.

Сейчас в Америке новый президент – господин Дональд Трамп. Он задавал вопросы в самом начале о необходимости НАТО, Он задавал вопросы по Европейскому Союзу. Он приветствовал Brexit, выход Великобритании из Европейского союза.

[00:40:07]

И он говорил, что многие последуют примеру Великобритании. Так же он задает вопросы по поводу необходимости зоны свободной торговли, это же в общих интересах. К счастью, китайский президент Си Цзиньпин произнес известную знаменитую речь в Давосе на встрече Всемирного экономического форума, он выступал за свободную мировую торговлю. Я полагаю, что в Китай является единственной в настоящий момент мировой державой, которая имеет мировую стратегию, стратегию по земле и по морским просторам. Создали новый собственный банк по инфраструктуре с участием всех партнеров, которые поддерживают данную стратегию.

Это стратегия исходит из Китая, из юго-восточной Азии, охватывает пространство Центральной Азии, Россию, Европу, Африку и Латинскую Америку. Это глобальная стратегия и мы пока не знаем, как на нее реагировать ни в политическом, ни в экономическом плане. Соответственно, мы сталкиваемся с общими для нас проблемами, в том числе, мы вместе выступаем за свободную торговлю в будущем или нет, мы будем сохранять ВТО или нет? Россия является членом ВТО, более 160 стран являются членами этой международной организации.

А теперь есть новая глобальная организация G20, как вы знаете, и поднимает важные вопросы. В настоящее время Германия председательствует в G20 и объявила в рамках этой организации, что дигитализация во время германского президентства в этой организации будет основной темой. Тем не менее, мы сталкиваемся с новыми проблемами. Это не только дигитализация. Вопрос свободной торговли, кибервойн, а так же огромный приток мигрантов, который нанесет ущерб как вашей стране, так и европейским странам. Спасибо за внимание.

Роберт Нигматулин: Действительно, была в одно время мысль такая, что мир становится однополярным, я думаю, что это было бы очень плохо. Мир становится многополярным и это хорошо. Конечно, в многополярном мире действуют распри, есть русская поговорка, что бог обрек мир на распри. Но не только на распри, но и на сотрудничество. И роль каждой страны будет определяться ее достижениями в гуманитарной сфере, и, в основном, в технологической сфере, конечно, индустрии. И пусть каждая страна соревнуется именно в этом многополярном мире. Это будет гораздо лучше, чем однополярный или двухполярный мир.

Следующее слово я бы хотел предоставить Бакыту Торобаеву – депутату парламента шестого созыва Киргизской республики, лидер парламентской фракции «Онугуу-Прогресс».

Бакыт Торобаев: Спасибо большое. Здравствуйте, участники форума. Большое спасибо за приглашение организаторам. Сегодняшний мой доклад называется «Центральная Азия как интеграционный мост между Евразийским экономическим союзом и Шанхайской организации сотрудничества».

Уважаемые участники форума, я хочу, чтобы вы обратили внимание на Центральную Азию. Как вы знаете, после распада СССР страны Центральной Азии перешли от централизованной плановой экономики к рыночной. И в самые хорошие времена в СССР ВВП Кыргызстана доходило до 11 миллиардов долларов.

[00:45:03]

После распада СССР у нас появились границы государственные, колючая проволока, у нас закрылись крупные большие предприятия, появился большой уровень бедности, безработица и неконтролируемая миграция. На основании этого всего проявились вооруженные конфликты, вы сами знаете, что в Центральной Азии были конфликты на религиозной основе, были конфликты на приграничных территориях. Мы все это переживали, мы попали в кризис экономический. Мы всегда думали, как выйти из кризиса, и мы были участниками всех интеграционных объединений, Мы даже являемся с 1998 года членами ВТО. Но на рынок ВТО мы не смогли выйти, потому что страны ВТО жили по другим стандартам, мы в других измерениях жили.

Мы искали пути, и, как вы знаете Кыргызстан вошел в 2015 году в Евразийский экономический союз. Очень были бурные споры, какие-то политики, может быть, говорили против, говорили за, но мы приняли стратегически верное решение, потому что мы вошли в союз и у нас был рынок 200-миллионный, мы открыли границы. Это очень важно, потому что через ЕЭС мы сотрудничали с Казахстаном и с Россией.

Очень были высокие технические регламенты в рамках ЕЭС, мы старались выйти в технический регламент, на сегодняшний день добиваемся. И чего мы добились? На сегодняшний день мы добились открытия границ с Россией и Казахстаном, со всеми членами, у нас свободное перемещение товаров на сегодняшний день. У нас сегодня открылся Фонд развития, в бюджете имеется 500 миллионов, в дальнейшем один миллиард долларов будет. У нас есть перспективы на горнодобывающую отрасль, на энергетику, швейную отрасль. У нас налоговые льготы, очень либеральное у нас законодательство. У нас дешевая трудовая сила и дешевая электроэнергия. Я думаю, что здесь есть перспективы для того, чтобы со вчерашнего дня говорят, что нужно понижать издержки, себестоимость продукции, произведенной в России – я думаю, что мы в Кыргызстане можем обеспечить и в создать условия, чтобы производили в Кыргызстане для вас, для производителей России хотя бы комплектующие материалы.

Я хочу сказать что, ЕЭС для нас очень важный рынок, мы стараемся, чтобы мы с вами тесно сотрудничали. Для нас очень благоприятно для наших трудовых мигрантов, что упрощены все процедуры. Уважаемые участники форума, мы понимаем, что через ЕЭС мы выйдем на мировые рынки, это мы прекрасно понимаем.

И я бы хотел еще один вопрос поднять – нужно поднимать вопрос о ШОС. Я думаю, что ЕЭС совместно с ШОС мы должны сотрудничать честно. Посмотрите изменения в

демографической динамике. На сегодняшний день ежегодно увеличивается – в мире 87 миллионов людей, к 2030 году в Китае будет 1 миллиард 400 миллионов, в Индии будет один 1 миллиард 500 миллионов людей, в Казахстане – 21 миллион, в Таджикистане 10 миллионов, в Узбекистане 35 миллионов, в Кыргызстане 7 миллионов будет.

[00:50:03]

И в итоге ШОС и ЕЭС – у нас получается 3 миллиарда 400 миллионов людей. И всех необходимо обеспечить рабочими местами и другими жизненно важными потребностями. Это большой рынок. И я думаю, что Россия и Казахстан, и Китай прекрасно понимают, что в дальнейшем это крупный рынок. Вы сами понимаете, что организовывается Транстихоокеанское объединение, и здесь видно, что в будущем это очень хороший рынок. Современные мировые процессы показывают, что экономическая активность двигается из Европы в сторону Азии, Китая и Индии.

Китай на сегодняшний день поднимает вопрос о свободной торговле и о продвижении транспортного маршрута древнего Шелкового пути. Это маршрут между Азией и Европой. Китай продвигает новый проект, новый Шелковый путь. Лидер Китая говорит, что он органично сочетается с национальными стратегиями, с программами ЕЭС, и в будущем он предлагает объединить. И президент России высказал мнение, что оба проекта станут мощным импульсом для хозяйственной активности на территории Евразии.

Уважаемые коллеги, и мы хотим участвовать в объединении ШОС и Евразийского экономического Союза, так как мы хотим, чтобы Кыргызстан стал административным центром, где будут пересекаться все людские, финансовые ресурсы, технологические потоки. И мы хотели бы, чтобы через Центральную Азию был транзит. И я думаю, что Россия здесь станет мостом между Европой и Азией.

Я думаю, что здесь большая перспектива, и как вы сами знаете, на сегодняшний день глобальная проблема это миграционные потоки в Европу. И мы, как страна Центральной Азии, являемся защитным государством, потому что у нас есть проблемы – Афганистан рядом, есть проблемы с терроризмом, с наркотиками. Это большая огромная проблема. И мы, как страны Центральной Азии должны всегда думать о том, как развивать наши экономические перспективы.

В заключение я бы хотел сказать: история показывает, что рост уровня жизни населения может стать основой для укрепления политической стабильности и экономического роста. Большое спасибо.

Роберт Нигматулин: Спасибо. Так получилось, что я имел тесные связи в советское время со среднеазиатскими республиками, моя фамилия об этом говорит. Но должен засвидетельствовать, что я каждые два года езжу в Кыргызстан, там проводится конференция, посвященная моему учителю, выдающемуся академику Рахматуллину, он родом из Кыргызстана был. Кыргызстан для России самая близкая республика, там лучше

всех говорят на русском языке из среднеазиатских республик. И поэтому я думаю, что мы все, граждане России, должны особое внимание уделить этой республике и пожелать ей успехов. А в экономическом отношении она, конечно, находится в очень тяжелом положении. Страна не может обеспечить работой всех своих граждан, много людей едут в Россию, живут в тяжелых условиях и выполняют в самую неквалифицированную работу. Это, конечно, тяжелая проблема. Мы вам желаем успехов.

Поскольку выступал политик, я бы хотел предоставить слово, среди нас есть еще один политик, депутат Совета Федерации – Олег Викторович Морозов. Он возглавлял фракцию в Государственной Думе, когда я там был, с 1999 по 2003 год, «Регионы России была такая фракция. Олег Викторович, Вам слово, ваши соображения. Пожалуйста.

Роберт Нигматулин: Спасибо большое. Роберт Искандерович, можно я оттолкнусь от вашего выступления и выступления нашего немецкого коллеги? Потому что вы говорили о кризисе однополярного мира, о том, что мир перестал быть однополярным, и вы сказали, что мир становится многополярным и это хорошо.

[00:55:09]

Я просто хочу обратить внимание, что вы использовали глагол «становится», то есть не «стал». И я думаю, что это очень правильно, это не оговорка. Потому что, конечно, это очень заманчивая модель – многополярный устойчивый мир, но на мой взгляд, сегодня это пока еще только модель, а не реальность. И по факту мы имеем дело со следующей ситуацией, когда однополярная модель мироустройства перестала эффективно обеспечивать интересы всех участников мирового сообщества, многополярная модель не сложилась и не возникла. И поэтому это переходное состояние, которую мы сегодня имеем, несет за собой огромное количество вызовов.

И если мы будем сравнивать три модели мироустройства послевоенного, скажем то, что называется Ялтинская, Потсдамская или биполярная, в такой политологической терминологии, когда было два блока, две сверхдержавы, был ядерный паритет, был, если хотите, по факту раздел мира на сферы влияния. Но самое главное – были писанные правила. Были правила, которые были зафиксированы в уставе ООН, в других правовых актах, в том числе в Хельсинском акте. И это обеспечивало эту конструкцию. Я не оцениваю ее в категориях «хорошо или плохо». Я оцениваю ее в одной простой категории – это был достаточно устойчивый миропорядок, основанный на определенных правилах.

Правильно было сказано, что он рухнул вместе с распадом Советского Союза. И как результат холодной войны произошло то, что не очень принято говорить вслух, но по факту это так: одна сторона победила в холодной войне. И было бы, наверное, политические с ее точки зрения неправильно не воспользоваться этой победой. Этой победой действительно эта сторона воспользовалась, предложив миру совершенно

другую модель – модель однополярную: когда одна держава доминирует, определяет некие правила в жизни всего мирового сообщества, а другие вынуждены с этим считаться.

Но мне представляется, что здесь произошло другое самое главное, я хочу вернуться к термину «миропорядок». Этот термин совершенно молодой в политологии, он появился в 1977 году, Хедли Булл английский политолог его ввел. И в этом термине главное была вторая часть – порядок, правила, по которым должен развиваться мир. Так вот, именно вторая модель, однополярный мир - характеризовалась, может быть, главным моментом: потихоньку отказом от ранее существовавших правил. Несколько базовых принципов, на которых держался прежний миропорядок, например, такой принцип как нерушимость послевоенных границ – этот принцип как стержень, как фундамент, на котором держался послевоенный мир, был вынут, и система стала гораздо менее устойчивой.

Опять же, я сейчас не хочу говорить, почему это произошло. Потому что по факту это произошло, когда рухнул Советский Союз и действительно границы стали другие, и политическая карта изменилась. Но, наверное, нельзя не констатировать то, что победитель захотел воспользоваться этой ситуацией в полной мере в свою пользу. И что произошло?

Произошло то, с чем мы имеем дело сегодня, когда правила, принципы, нормы стали либо не соблюдаться, причем всеми участниками, здесь не хочу находить правых и виновных. Во-вторых, они стали толковаться в угоду политической конъюнктуре, то есть в одном случае – это соответствует международному праву, а в другом случае мы толкуем это совершенно иначе. Косовский пример это очень яркий пример того, когда говорят что это соответствует международному праву, поэтому это надо признать. И аналогичные примеры, их много тоже, объявляются не соответствующие мировому праву, и с этим предлагают согласиться.

Когда начался кризис это однополярной конструкции? На мой взгляд, он начался в конце нулевых, начали появляться кризисные моменты, связанные с 2008 годом, принуждение Грузии к миру. Но больше всего, мне кажется, показателем окончательного кризиса однополярного мира стали события в Сирии.

[01:00:12]

Обращаю ваше внимание, что это ситуация, когда в первые две крупнейшие ядерные державы втянуты своим прямым участием в военный конфликт. А вообще в этот конфликт втянуто несколько десятков государств. Я обращаю внимание, что кризис этой однополярной системы главным образом характеризует следующий момент: есть мировые проблемы, которые никто не может лишить в одиночку, как ни крути, какой бы ты ни был сильный, ни экономически, ни в военном отношении. Либо вместе, либо никак, либо безопасность для всех, либо отсутствие безопасности, но тоже для всех. Вот это

очень правильная предпосылка для того, чтобы перейти к многополярному миру, которого по факту сегодня нет.

Итак, мы можем констатировать, что ситуация достаточно кризисная, правил нет, единых целей и ценностей, которые обеспечивали бы солидарные действия нет. Но есть еще третий момент, очень плохой, который сегодня имеет место – это постоянная попытка одних принудить других изменить свою позицию и даже действовать вопреки своим национальным интересам. На мой взгляд, санкционная политика – это очень хороший пример, потому что санкции это инструмент решения какой-то задачи, можно принудить другую сторону изменить свою позицию, поменяться, и сделать как-то иначе, чем она делает. Но по факту так не происходит, санкции не достигают своих целей. Другая сторона, в данном случае Россия, свою позицию не меняет. Санкции превращаются в элемент политического наказания, что отнюдь не стабилизирует мировой порядок.

Что делать – возникает резонный вопрос. На мой взгляд, делать надо три вещи. Первое – надо честно признать всем, что прежняя система международного права не действует, потому что нормы не исполняются либо толкуются в угоду политической конъюнктуре, наличие двойных стандартов. Надо признать, что она не действует и все нарушают правила. Как бы ни тяжело было говорить, но это правда – правила нарушают все, именно потому, что правил нет, нельзя нарушить то, чего не существует.

Второе – если это так, то нужно эти условные грехи обнулить. Нужно признать, как это и произошло по факту Второй мировой войны, что мир устроен вот так. Признать, зафиксировать наличие тех границ, которые сегодня существуют по факту, и от этого отталкиваться. Обнулить все взаимные претензии, тогда можно говорить о каком-то более-менее стабильном мироустройстве.

И третье – нужны, конечно, писанные правила, которые никто не читает и никто не знает где они написаны. И я цитирую здесь очень многих, в том числе нашего президента: нужно что-то вроде Хельсинки-2, где эти правила были бы записаны и все согласились, что их нужно соблюдать. Я понимаю, что это некая пока идеальная модель, но если она не будет реализована, мы не достигнем устойчивого миропорядка, и это будет порядок, который постоянно будет вызывать угрозы для безопасности всего человечества и всего мира. Спасибо.

Роберт Нигматулин: Спасибо, Олег Викторович. Я разделяю все, что вы сказали и хотел бы только добавить. Помимо правил нужно еще четко признать, что каждая страна имеет свои симпатии, интересы и страхи. Это обязательно нужно учитывать. К сожалению, политики, когда мы слушаем и обсуждаем все, будем говорить споры, скандалы, связанные с Украиной, Сирией, Европой, расширением НАТО в Европу – все время идет одностороннее давление, без учета того, когда ты что-то делаешь – расширяешь какой-то свой блок или способствуешь тому, что допустим Крым перешел к России: это можно понять почему это было сделано. Потому что у нас тоже есть свои интересы, страхи и

симпатии. Хотя эти страхи и симпатии, может быть, находятся в другой стране. Они есть у всех стран и это нужно обязательно учитывать, и это должно быть правило: если ты что-то делаешь, то имей в виду, что у другой стороны тоже есть свои интересы, страхи и симпатии.

Теперь позвольте предоставить слово, у нас есть представитель успешного бизнеса – господин Стрежнев Дмитрий Степанович, председатель совета директоров «Еврохима».

[01:05:05]

Дмитрий Стрежнев: Спасибо, уважаемый председатель. Разрешите приветствовать альма-матер бывшую, в стенах университета приятно выступить, Спасибо за возможность высказаться. Я представляю здесь реальный бизнес, вхожу, к сожалению или к счастью, в набор этих высокооплачиваемых людей, с которыми пытались бороться в начале. Поэтому поговорю про Россию как страну, у которой есть определенное место в мировом разделении труда, и что надо сделать для того, чтобы это место стало более достойным.

У меня философия очень простая: если наша страна будет иметь такую же динамику экономики, которую она имеет последние 5 лет, фактически у нас нулевые темпы роста – что будет происходить? Наша страна потеряет свое место в экономическом пироге и разговаривать о каком-то влиянии или интересе в нашей стране со стороны каких-то либо стран либо контрагентов – о растущем влиянии говорить в принципе не приходится. Поэтому так как политика это концентрированное выражение экономики, нам надо понимать, что все что мы делаем это деньги и влияние. А деньги, прежде всего, это экономика нашей страны.

Поэтому надо начинать и всю жизнь понимать, что это основная причинная база для нашего здорового образа жизни. Соответственно, чтобы у нас экономика росла, есть острая необходимость в определенных изменениях. И второе, наверное, отношение к экономике требует определенного политического сдвига. Если мы концентрируется на экономическом росте, он не должен быть дутым, он должен быть здоровым, конкурентоспособным. И я скажу несколько прописных вещей, которые по здравому смыслу надо делать, но почему-то мы не делаем.

Первое – это создание нормального финансового рынка. У нас фактически отсутствует нормальная стабильная валюта, потому что у нас волатильность доллара: то дорогой, то дешевый, все бегает, меняют доллары, не меняют, в принципе, вся страна берет в сторону финансовой спекуляции, а не в сторону промышленности. И вторая история, что мы крайне зависимы, все компании, от зарубежных кредиторов. Для этого требуется создание национальной нормальной финансовой системы, которая должна иметь здоровые пассивы и активы. Это сложная вещь, Потому что если при некой эмиссии денег деньги будут разорваны, мы опять вернемся в 20-летний кризис. Поэтому тезис такой: делая что-то хорошее надо понимать проблемы.

Кратко – что надо сделать. Надо иметь какой-то более-менее предсказуемый курс, у нас ЦБ от этого отказывается и говорит, что: мы не при чем, потому что курс это следствие платежного баланса. Платежный баланс у нас, к сожалению исключительно положительный, надо стерилизовать излишнюю ликвидность, потому что наша страна кредитоспособна и у нее должен быть нормальный курс.

Второе: нам нужно иметь и доступные деньги - прежде всего не для финансового, а промышленного капитала. Третье – нам нужны длинные пассивы в экономике, это уже вопрос не к ЦБ: разумная пенсионная система и стимулы для сбережения не грабительского характера, потому что сейчас депозиты в банках условно 2%, кредиты – 12%, кто такие пенсии куда копит, никто ничего не понимает. И в принципе у нас существенная часть пассивов системы – это зарубежные кредиторы, где есть стабильные условия де-факто. Если мы этого не сделаем – без национальных денег у нас будет абсолютно страна зависимая от международных рынков, что принципиально невозможно для нормального роста. Две страны, которые продемонстрировали положительный результат, это Япония и Германия, прежде всего, начали рост со своей национальной денежной системы.

Вторая вещь – создание спроса. Спрос состоит из трех частей: потребительский, инвестиционный и спрос на внешних рынках, тоже не без политики, если по порядку. Спрос на внешних рынках, к сожалению, чувствителен с точки зрения нашей политики. Мы, к сожалению или к счастью, обречены, потому что у нас большой ядерный арсенал, и мы обречены на независимую политику и конфликты, но, наверное, никто не может сказать, с какой страной хорошие отношения – мы даже такую страну сказать не можем. Наверное, образец хорошего отношения – Казахстан. В том секторе, где наша страна мировой лидер, к сожалению, мы находимся на третьем месте после США и Китая – например, инвестиции в энергетический сектор Казахстана.

Поэтому создание внешнего спроса вместе с политикой, например, Иран. С Ирана сняли санкции, условия: доступ энергетического сектора и западного самолетостроения на паритетных условиях. То же самое – боролись за Иран: ни самолеты продать не можем, ни контрактов на нефть заключить не можем - отлично, зачем боролись, никто сказать не может, в газетах написано. Поэтому первая тема: мы должны приложить все для создания позитивного ведения дел для российского бизнеса, в принципе, мы столько всего потеряли, что нам очень много чего надо восстанавливать.

[01:10:05]

Мы не можем сейчас сказать, какая страна является для российского бизнеса приоритетом, в принципе, таких стран нет. К счастью, есть стандартные товары, где наша страна присутствует уверенно на мировом рынке, это металлургия, химия, энергетика, но этого недостаточно.

Второй вопрос – инвестиционный спрос. В нашей стране есть сектора, где надо инвестировать, которая забытые богом сектора. Это транспорт, деревообработка, материалы, химия, металлургия – надо создавать программы, где мы не будем полуфабрикаты, а будем производить нормальную готовую продукцию с добавленной стоимостью. Внутренний спрос опять же упирается в деньги. Основное это жилье. С такими процентами и условно с бедным населением вряд ли можно говорить о каком-то существенном внутреннем спросе, как автомобили, так и жилье, и все остальное.

Третий, наверное, вопрос – это отказ от иллюзий и соблазнов. Считается, что если мы начинаем что-то менять – у нас первым делом ищут виноватого, потом отнимают, делят, потом расстраиваются, почему не получилось. Отказ от иллюзий должен быть следующий: отказ от желания легким методом решить сложный вопрос, потому что сначала работаешь, потом ешь. Это стабильная налоговая система, это создание выгодных условий для российского капитала, который у нас ни пойми какой: то ли иностранный, то ли российский; конкуренция на рынке капитала - как бы это ни было неприятно, приятно. И избавление от иллюзий, что если мы тут истребим человека, который богат, но у него есть завод – если мы этот завод поделим на 100 человек, то от этого кому-то станет хорошо. Это крайне важно.

Второй вопрос это суды – справедливая система, и милиция, потому что это у нас просто караул в стране, не пойми чего. И третий вопрос – это некая политика очень простая: кто работает, тот ест - надо сначала работать, потом получать хорошую зарплату. У нас все должны платить налоги и все должны понимать, что только труд приведет нас в нормальную историю.

Вот наверное три основных вещи, которые если бы сделать, и это на самом деле другими словами структурные реформы, но трезво консервативные – это единственное, что позволит нашей стране сохранить место в мире и в каком-то виде радоваться тому, что мы в стране живем и что она занимает достойное место, и не теряет его со временем. К сожалению, мы это на сегодня можем констатировать. Спасибо.

Роберт Нигматулин: Спасибо. Это совершенно верно, что нужно сначала произвести, а потом кушать. И в связи с этим есть дополнение – но ведь мы хотим побольше произвести. И вот для того, чтобы больше произвести, вот те нобелевские лауреаты, о которых я сказал, они говорят: нужно правильно распределять в настоящее время, правильно распределить – потом начнешь больше производить. И ни в коем случае мы не должны делать, чтобы кого-то натравить на другого, ущемлять богатых, обижать богатых. В конце концов богатые успешные люди должны вести страну, это обязательно. Бедняк страну не ведет, он если разозлится, может страну развалить. Но самое удивительное, факт – кушать должны все, даже преступников мы кормим. И это все должно быть сбалансировано, чтобы экономика росла и производство росло. Нобелевские лауреаты не предлагают обижать никого, я именно ссылаюсь на нобелевских лауреатов. Но все

должно быть сбалансировано. Если дисбаланс: ротор расбалансирован – вы его не раскрутите, его нужно сбалансировать. А экономика и страна это очень сложная многопараметрическая система, и мы должны следить, как это делается в более успешных странах, чем мы. Только в этом моя идея и слайды, которые я показал.

Теперь я хочу предоставить слово Александру Дмитриевичу Некипелову. Александр Дмитриевич это особый человек в Российской Академии наук, он был многие годы вице-президентом. И под его руководством в Академии наук была осуществлена некая экономическая реформа в результате которой заработная плата научных сотрудников была увеличена в пять раз. И когда это затевалось, многие не верили, что это возможно, и это было сделано. И это было при поддержке государства, правительства, и тогда Академия наук смогла это сделать. Сейчас требуются следующие такого рода шаги, потому что вся эта инфляция, наша экономическая ситуация все это съела, и опять ученые стали у нас очень бедными людьми, большинство, основная масса ученых. Конечно, можно привести в пример много ученых, которые стали непродуктивными.

[01:15:00]

Но если вы не уважаете профессора, который ушел на пенсию или уже не так продуктивен, то тогда и молодежь не будет идти в профессора. А стране профессора и академики очень нужны. Александр Дмитриевич, Вам слово.

Александр Некипелов: Спасибо большое, Роберт Искандерович. Спасибо за теплые слова в мой адрес. Я, конечно, не буду говорить о состоянии российской науки, хотя проблема, на мой взгляд, для России чрезвычайно важна. Отмечу только что у меня очень пессимистичные представления о будущем фундаментальной науки в стране. Но в соответствии с темой нашего обсуждения я бы хотел немножко порассуждать о том кризисе, который с моей точки зрения мы переживаем, и будем еще переживать в течение достаточно длительного времени в сфере мирохозяйственных отношений.

В чем этот кризис состоит? На мой взгляд, это кризис сложившейся модели глобализации. Нам в течение последних десятилетий, может быть не все, кто-то может сказать, что он думал несколько иначе, но доминирующая позиция заключалась в том, что технологии, наука развились настолько, что все элементы глобального производственного комплекса уже неразрывно связаны друг с другом, что процесс либерализации хозяйственной деятельности, конечно, он не происходит за один день, но он совершенно неотвратим и движение в этом направлении неизбежно. Поэтому процесс глобализации понимался не только как процесс увеличения потоков товаров, услуг и капитала между странами, но он еще и понимался как совершенно неизбежный прогресс в плане формирования однородной экономической среды во всем мире.

И вот сейчас выяснилось, что это не так, что процесс как бы начинает идти в обратную сторону в каком-то отношении. Это не значит, конечно, что началась тенденция

сокращения товарных потоков или потоков капитала – нет, эта тенденция, видимо с какими-то возможными девиациями будет как раз сохраняться. Проблема как раз в среде возникла. И вот доктор Котегава сегодня свое выступление начал с разговора о том, что Соединенные Штаты вдруг после многих лет, когда они были лидером процесса глобализации, лидером либерализационных всех этих тенденций, лидером идеи о том, что вообще говоря развитые страны это прежде всего сервисная экономика, а производство каких-то этих самых tangible goods это дело аутсайдеров – вдруг они развернулись в прямо противоположную сторону.

Они ставят задачи о возвращении в страну реального сектора экономики, А ведь дело зашло очень далеко, там же реальный сектор экономики в Соединенных Штатах меньше 20% уже давно. И казалось, что все замечательно: есть мощные сервисные секторы, среди них такой как финансы, финансы – высокоинтеллектуальная деятельность, работают люди высочайшего интеллекта, формируют сложнейшие модели, в условиях либерализации вроде все предпосылки. И Соединенные Штаты, и Великобритания, и другие страны развитые зарабатывали огромные деньги на этом и не было никакой необходимости иметь реальный сектор экономики. Мало кого волновали эти заброшенные города промышленные и так далее.

И вдруг сейчас все это вышло на передний план. Потому что выяснилось, что оказывается финансовая индустрия оказалась в глубочайшем кризисе и не очень понятно, когда из него будет выход. Что все эти инструменты, которые рассматривались как эффективные механизмы снижения рисков, оказались способными при определенных условиях эти риски накапливать. А если у вас этот сектор занимает ключевое место в экономике, а его перспективы неважны, то тут же выясняется, что мир, который как представлялось воплощал идею Маркса о том, что в буржуазном обществе столько же наций сколько людей – оказалось что нет.

[01:20:02]

Оказывается, есть национальные интересы, есть интересы группировок, и начался процесс, о котором очень хорошо говорил Олег Викторович. Это проблема правил игры и так далее, это очень серьезная проблема не только в политике. Это ключевая проблема в теории социального выбора, которая в экономической науке занимает очень важное место. И там много вещей, на которые нет ответа, но уже давно ясно, что возникает определенная парадоксальная ситуация, когда для того, чтобы согласовать эти решения, нужно первоначально согласовать то, как ты будешь это согласовывать. То есть некий замкнутый круг.

И когда у вас начинает рушиться отношение к порядку принятия решений – у вас происходит разладка всего механизма, связанного с интересами, с согласованием, обстановка неопределенности. Иными словами, я считаю, что мы должны понять, что и в экономической сфере, глобальной сфере, мы вступили в период длительный, тут нет

простых решений, когда потребуются и заново выработать правила экономической игры. Это не означает, что нужно от рынка отказываться. Это означает, что нужно менять многие параметры глобального управления рыночными процессами.

И здесь очень важно, и я тоже хотел бы присоединиться к Олегу Викторовичу – вот эта проблема, во-первых, спокойного отношения в этой ситуации, понимания, что это не результат, что в Соединенных Штатах избрали Трампа, а где-то еще кого-то другого могут избрать. А что есть некие более глубокие основы этих процессов. И спокойная кропотливая долгая работа, в рамках которой будут формироваться и новые ассоциации, новые коалиции в мировой экономике и в политике, и так далее. Поэтому, мне кажется, мы должны быть к этому готовы. Спасибо большое.

Роберт Нигматулин: Спасибо, Александр Дмитриевич. Коллеги, у нас осталось два выступающих. Я бы хотел сейчас слово предоставить нашему гостю из Германии – депутату Европарламента Гельмуту Шольцу, члену комитета Европарламента по международной торговле.

Гельмут Шольц: Спасибо за приглашение и возможность иметь этот опыт для дискуссии общей. Я буду говорить на английском.

Мне кажется, что эта дискуссия отражает определенные вызовы глобальных проблем. Мы говорим о новом экономическом порядке в мире. Наверное, сначала нужно понять, что это такое, кто создает, формирует этот порядок. Это приводит к вопросу о том, что с моей точки зрения следует говорить о различных интересах, нужно говорить о владельцах, стейкхолдера, об участниках, тех, кто участвует в производстве, кто организует международную торговлю и распределение, и создает стоимость для общества. Конечно, это приводит к следующему вопросу: как создать такое взаимодействие между нациями и между обществами, чтобы принять, когда цель производства отвечает целям населения, которое использует результаты этого производства.

Я хотел бы заметить – да, я полностью согласен с тем, что нам нужны соответствующие правильные структуры в международной экономике, в международных взаимоотношениях. И нам нужно видеть, есть ли у нас достаточно доступа к практике регулирования экономических процессов в мире. Вступление Китая в 2001 году в ВТО и вступление России в ВТО – после вступления России структура сильно изменилась.

[01:25:03]

Я находился в Женеве, когда Россия получила мандат участника члена ВТО. Так называемый беспорядок в мировом пространстве довольно быстро увеличивается и условия жизни изменяются, мы уже говорили об этом, нужно всем принять решение – все ли понимают, что нужны правила, которые регулируют взаимоотношения в мире. Я являюсь сторонником введения регулятивного механизма в мире, который возник по итогам Второй мировой войны, экономики, суверенной независимости государств,

равных правах, правах граждан внутри государства, самоопределения, сотрудничества и мирных стандартов взаимного существования.

С точки зрения левых партий, я представляю левую партию Германии, конечно, есть много критики в адрес ВТО. Но изменения в мировом экономическом порядке, нацеленная для балансирования интересов различных стран и уровня развития этих стран в конкретных случаях, поскольку, например, ВТО не является интегральной частью системы ООН. Это еще один из аспектов регуляторной практики. Мы согласились, чтобы устойчивое развитие продолжалось в рамках стратегии 2030, в рамках ООН. Но мы переносим эти цены и все мы согласны, как это в ежедневной практической экономической практике осуществляется среди стран-членов ООН.

Это включает в том числе ЕС, а так же роль институтов в рамках ЕС, стран-членов ЕС, парламент, общество, а также это имеет отношение и в отношении Российской Федерации, для Китая и для США. И если я посмотрю сейчас на новые торговые стратегии Соединенных Штатов, то на самом деле это отказ от этого подхода, это четкое заявления: сначала Америка. И таким образом отказ от международных многоступенчатых отношений с другими странами. Таким образом, отказ от того, чтобы создавать вместе новые критерии, новые стандарты, которые давали бы ответ на эти новые сложные задачи в мире. И эти новые сложные задачи, которые мы называем вызовами, включают в том числе и социальный интерес граждан, рабочих и служащих в других странах, участников экономики, тех, я включаю крупные, средние и мелкие предприятия. Это ведь наиболее важная часть – создавать новые рабочие места в экономиках, и таким образом обеспечивать экономический рост. И возникает вопрос: насколько основательно мы смотрим на технологическое развитие с точки зрения влияние на общество и на производство.

Я думаю, что мы только начали думать над вопросом – как новый экономический порядок, уклад может быть, и кто даст ответ на это? Тот, кто принимает решение. Потому что, посмотрев на технологический прогресс, если мы имеем в виду индустрию 4.0, все эти изменения, которые происходят в различных отраслях, то, что сейчас меняется место, где осуществляется производство. Потому что мы сейчас, по большому счету, проигрываем в ходе этого развития. Поэтому нам нужно всем понять, что только вместе у нас есть шанс, с тем, чтобы развивать международное экономическое развитие. В том числе с учетом и экологических вопросов.

Потому что климат ставит нам конкретные рамки, потому что мы не можем наши экономические процедуры создавать таким образом, чтобы не учитывать экологическую составляющую. Потому что нужно учитывать и общественную экологическую составляющую, именно это означает демократизацию международной экономической системы, международного экономического порядка. Нужно обязательно включать

граждан в процесс принятия решения того, какая экономическая структура должно существовать. Спасибо.

[01:30:00]

Роберт Нигматулин: Спасибо. Сейчас первый этап нашей дискуссии, основной этап завершит Владимир Иванович Якунин, Я надеюсь, что вы знаете кто это такой. Многие годы отвечал за одну из самых важнейших отраслей нашей экономической деятельности, она не только экономическая, но и гуманитарная, это скрепы – это железные дороги. Железные дороги, я думаю, еще многие десятилетия и века будут определять нашу жизнь, а в России это особенно важно. Владимир Иванович, вам слово.

Владимир Якунин: Добрый день. Спасибо. Я прежде всего хочу организаторов поздравить с прекрасным мероприятием содержательным. Поскольку кроме Руслана Семеновича других не вижу, тогда вам, Руслан Семенович, все лавры достанутся.

Конечно же, я не буду говорить как железнодорожник, давно им не являюсь. Буду говорить как директор института диалога цивилизаций, как председатель мирового общественного форума «Диалог цивилизаций», и начну с того, что еще на заре нашей деятельности, в этом году будет 15 лет – мы говорили и писали, что грядущий кризис неизбежен в той модели, в которой мы живем. Это было, по-моему, в 2003 году, можно поднять и посмотреть.

В 2008 в году, когда разразился кризис, мы были первыми, кто сказал, что речь идет не о финансовом кризисе, и даже не о финансово-экономическом, а о кризисе системном. Последующие брекситы, трампы показывают, что по всей видимости и в этом отношении мы были правы. Мы говорили о том, что существующая модель, и здесь я с академиком Некипеловым полностью солидарен – она нестабильна, подошла к своему концу. И в этом отношении можно сослаться на последние высказывания рупора, двигателя той модели, в которой мы сегодня живем – госпожу Меркель, которая заявила, что: я думаю, что спустя четверть века после объединения Германии, после окончания холодной войны – новая историческая эра возможно сменит другую. Плохо, что политики такого уровня осознают реальность с таким опозданием по отношению к ее реализации, но хорошо, что об этом говорят такие люди.

Совершенно согласен с тем, что здесь говорилось относительно того, что не может быть никаких универсальных рецептов, и в этой связи хорошо известный вам эксперт, нобелевский лауреат Штиглиц, который говорил, что невозможно оценивать однозначно результаты экономического развития за период с 1980 по 2000 год, поскольку не было показано впечатляющих результатов. А вот Китай, которые отличается по своей модели от всего того, что нам предлагается, как раз продемонстрировал убедительные доказательства успешности. Из этого следует вывод, что те рецепты, которые нам

предлагались: делайте как западные страны и у всех все будет хорошо – оказались не соответствующими действительности.

Очень важно обратить внимание на несколько графиков, которые показывают, как наращивался государственный долг в мире. Время бежит неумолимо, поэтому я не могу останавливаться на этом, поэтому просто покажу эти графики. Вот это график, на котором я хочу остановиться. Посмотрите в него, из этого следует, что на каждый рубль, доллар, как хотите его назовите, мирового роста ВВП, мир погружается в 4 доллара дополнительных или рублей дополнительных долгов. Мы по сути дела значительно больше проедаем, чем создаем. И после этого, когда, в том числе и Мировой банк, и Мировой валютный фонд говорят о том, что мы успешно развиваемся, только может быть чуть не так быстро как хотелось бы – на самом деле это не совсем соответствует действительности.

Можно соглашаться с золотым стандартом, можно не соглашаться, но эта пирамида, это то, о чем сегодня здесь тоже говорилось – это соотношение, давайте возьмем условно, что золото все-таки является стандартом. Вот его соотношение по сравнению с деривативами, которые обращаются в экономике. Когда грянул кризис, вся экономика оценивалась экспертами где-то в районе до 70 триллионов, деривативов было более 700. Выводы можно сделать самостоятельно.

[01:35:00]

Это к вопросу о том, как в постиндустриальном обществе сокращался реальный сектор экономики на примере, прежде всего, Великобритании. И вспомните, Камерон был первым, кто заявил, что нужно срочно возвращаться к индустриализации. Я думаю, что это не рецепт, это диагноз. Думаю, что нам тоже есть здесь о чем очень серьезно подумать.

Соотношение между Европой и Китаем тоже очень показательно. На самом деле так получилось – сегодня Европа становится по сути дела приложением Китая с точки зрения тех потоков и того взаимоотношения, которое между ними существует. Совершенно очевидно, что наступил момент задуматься, здесь сегодня уже звучало, о том, какой мир – однополярный говорят. Но на самом деле у нас в институте не очень нравится термин «полярность, многополярность, однополярность», потому что это по определению несет некий смысл конфронтация. Нам больше нравится выражение «многоцентрический мир». В отличие от одноцентрического мира Валленштейна, который правильно описывал существующую модель. Потому что центры способны сближаться, и отдаляться; полюсы в нашей методологии это все-таки определенное противостояние.

Я уже упомянул Brexit, вы знаете, и Трамп – русские виноваты, и Brexit – мы тоже тут постарались. А вот как на самом деле выглядит отношение самых европейцев – вот, пожалуйста, здесь показано: это отношение европейцев к Евросоюзу и его институтам. Поэтому я думаю, что это доказательно с точки зрения того, кто на самом деле чего хочет.

Из этой точки зрения рассуждения о том, что Трамп пришел и сейчас все изменится – не изменится, Трамп это кличка, наименование тех латентных процессов напряжения, которые формировались внутри американского общества и западного общества. Это фамилия могла бы быть совершенно другой.

В целом мы считаем, что нужно вспомнить давно забытую статью Кейнса, написанную в 1930 году, она называлась «Какими экономическими возможностями будут обладать наши дети через 100 лет». И он там писал, что через 100 лет, это всего 30 лет от нас, люди не будут работать, потому что им нужно выживать, они будут работать, потому что им это нравится и они хотят развиваться. А увлеченность или желание заработать много денег будет рассматриваться как очень неприличная и серьезная болезнь.

С этой точки зрения я хотел бы закончить несколькими фразами, которые принадлежат Владимиру Владимировичу Путину и известному ученому **Атале (01:38:18)**, который невзирая на свои связи с финансовым капиталом очень критично рассматривает перспективы этого мира. С тем, о чем говорит президент Российской Федерации и судя по графикам большинство европейцев согласны.

В современном мире нарастают тенденции размывания традиционных ценностей и разжигаются межэтническая, межрелигиозная розни и противоречия. Мы, безусловно, должны и будем противостоять этим разрушительным тенденциям. Речь идет о том, чтобы человек перестал рассматриваться исключительно как субъект любой политики, у которого есть рот, чтобы поесть, ноги, чтобы подбежать к кормушке, руки, чтобы что-то схватить, и еще кое-что, чтобы не разорвало Спасибо.

Роберт Нигматулин: Спасибо, Владимир Иванович. Мы должны завершить, у нас, к сожалению, не осталось времени для того, чтобы каждый что-то дополнил. К сожалению, мы превысили наш лимит времени. Я в завершение хотел сказать следующее: общеизвестная истина, что мы живем на одной планете. И на этой планете приходится распределять продукты нашего труда, и сейчас Томас Пикетти, один из успешных экономистов, написавший книгу «Капитал XXI века», обратил внимание, что работая тяжело, получая зарплату, вы сильно не разбогатеете. Но самые успешные в работе люди это нобелевские лауреаты. Ну что такое сейчас Нобелевская премия, господа?

[01:40:01]

Это миллион долларов на 3-4 человек. Сейчас произошло другое. Вы будете экстремально богатыми, если получаете ренту собственности. А собственность распределяется сами понимаете как. И всякая несправедливость, а это явная несправедливость, не стоит даже спорить, приводит к тому, что он начинают страдать все, в том числе богатые.

Я поразился, я недавно был в Лос-Анджелесе, вы наверное слышали, что правительство Калифорнии, губернаторы, вообще власти Калифорнии являются банкротами. Богатейший штат, там живут самые богатые люди. Дороги, по которым там ездешь, это уже не те

американские дороги, к которым мы привыкли 20-30 лет тому назад, которые были созданы в 50-60-70-е годы. Конечно, можно нанять на работу здесь у нас в стране, взять мигранта из Кыргызстана, Узбекистана, заплатить ему в три раза меньше, он готов и она рада, Но как показала Европа сейчас, что это потом через 10-20-30 лет оборачивается серьезными проблемами и конфликтами.

Поэтому справедливость, как ни странно, в экономике, в конце концов приводит к более быстрому росту. В частности экстремальные ситуации: давайте не платить никому ничего – экономика остановится, потому что никто ничего купить не может. И вот соотношение между ценами, зарплатами и издержками должно быть сбалансированным. И сбалансированность цель технически сделать так, чтобы росла производительность труда. И сейчас в большей степени богатство определяется использованием природных ресурсов. Даже сейчас мы нефть продаем за рубеж за 55 долларов, затраты 15 долларов за баррель. Вот кому должны принадлежать эти 40 долларов? Те, кто производит эту нефть, получают свои 15 долларов, а как остальное распределить? Особенно в нашей стране, которая, к сожалению, живет в основном за счет использования своих ресурсов, добытых нашими предками.

Поэтому за хорошую и справедливую быстро растущую экономику, охраняющие природу и интересы всех людей в нашей стране и на нашей планете Спасибо.